

В ЦАРСКОМ КРУГУ

*Воспоминания фрейлин
дома Романовых*

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Неизвестный автор

**В царском кругу. Воспоминания
фрейлин дома Романовых**

«Алисторус»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

автор Н.

В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых /
Н. автор — «Алисторус»,

ISBN 978-5-906880-03-1

В царской России многие девушки мечтали жить при дворе и служить императрице. Впрочем, наши современники забывают о том, что быть фрейлиной – это не только жизнь в роскоши и бесконечные привилегии, но и настоящее искусство плетения интриг, требующее изрядного ума и безупречного знания этикета. Кто имел право претендовать на место при дворе, что входило в обязанности фрейлин и статс-дам, как проходила жизнь в императорском кругу? Обо всем этом, а также о секретах и подробностях жизни царской семьи поведают читателю Анна Тютчева, Александра Толстая, Варвара Головина и другие знаменитые фрейлины.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-906880-03-1

© автор Н.
© Алисторус

Содержание

Пролог	6
Варвара Головина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых

© ООО «ТД «Алгоритм», 2016

* * *

Пролог

Этим женщинам была отведена скромная роль фрейлин при царствовавших семьях. Они добросовестно ее исполняли, трепеща перед августейшими особами, осознавая степень доверия к себе.

В России фрейлины появились в Петровскую эпоху. Во фрейлины попадали образованные девушки, с хорошими манерами, чьи родители были известны при дворе.

Каждая царская семья имела по несколько фрейлин, обязанности между которыми были строго распределены. Одни из них были в свите, другие сопровождали на балы, третьи были приставлены к детям. Все они служили верой и правдой своему государю и государыне, стараясь запомнить важные события, поступки царствующих особ. Те из них, кто владел пером, а таких было немало, оставили после себя записки, с тем чтобы потомки смогли из первых рук узнать об эпохе, в которую они жили, и прежде всего о государе и государыне, которым они служили. Конечно, они не могли быть беспристрастны в своих симпатиях и антипатиях, но ведь и историки зачастую рисовали действительность в угоду существовавшему режиму.

Эти женщины не брали на себя никаких обязательств, они просто вели записи для себя и своих близких.

Читателям уже известны дневники Вырубовой, воспоминания Смирновой–Россет и других.

В настоящем издании собраны воспоминания особ малоизвестных, чьи записи не уступают, а во многом и превосходят уже опубликованные материалы. По–разному сложились их судьбы и отношения с царствовавшими особами, по–разному они и воспроизвели события, свидетелями которых являлись. В основном все материалы, выдержки из которых мы предлагаем вниманию читателей, были напечатаны в журналах прошлого века, таких как «Русский архив», «Исторический вестник», и не выходили отдельными изданиями.

Варвара Головина

1766–1821. Фрейлина Высочайшего двора

В жизни наступает время, когда начинаешь жалеть о потерянных мгновениях первой молодости, когда все должно бы нас удовлетворять: здоровье юности, свежесть мыслей, естественная энергия, волнующая нас. Ничто нам тогда не кажется невозможным; все эти способности мы употребляем только для того, чтобы наслаждаться различным образом; предметы проходят перед нашими глазами, мы смотрим на них с большим или меньшим интересом, некоторые из них поражают нас, но мы слишком увлечены их разнообразием, чтобы размышлять. Воображение, чувствительность, наполняющие сердце, душа, по временам смущающая нас своими проявлениями, как бы заранее предупреждая, что это она должна восторжествовать над нами; все эти ощущения беспокоят нас, волнуют, и мы не можем разобраться в них.

Вот приблизительно что я испытала, вступив в свет в ранней юности.

Я встречала более роз, чем шипов, на жизненном пути. Их разнообразие и богатство, казалось, умножались передо мной. Я была счастлива. Частое счастье гонит прочь равнодушие и располагает нас с участием относиться к счастью других. Несчастье же набрасывает пелену печали на предметы, его окружающие, и постоянно удерживает наше внимание на наших собственных страданиях, пока Бог в бесконечной Своей милости не откроет новый путь нашим чувствам и не смягчит их.

«Портрет графини Варвары Головиной». Художник Элизабет Виже-Лебрен. Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына (1766–1819) – мемуаристка и художница, любимая племянница И. И. Шувалова, приближенная императрицы Елизаветы Алексеевны

В шестнадцать лет я получила шифр фрейлины. Их было тогда двенадцать. Почти каждый день я была при дворе. По воскресеньям бывало собрание «большого Эрмитажа», на которое допускались дипломатический корпус и особы первых двух классов, мужчины и женщины. Собирались в гостиной, где появлялась Императрица и поддерживала разговор. Затем все следовало за ней в театр; ужина не было. По понедельникам бывал бал и ужин у Великого Князя

Павла. По вторникам я была дежурной. Мы проводили вместе с подругой часть вечера в бриллиантовой комнате, названной так потому, что там хранились драгоценности и между ними корона, скипетр и держава. Императрица играла в карты со старыми придворными. Две фрейлины сидели около стола, и дежурные придворные занимали их.

По четвергам было собрание «малого Эрмитажа» с балом, спектаклем и ужином; иностранные министры не бывали на этих собраниях, но остальные посетители были те же, что и по воскресеньям, кроме того, в виде милости, допускались некоторые дамы. По пятницам я была дежурной, по субботам наследник трона давал великолепный праздник. Приезжали прямо в театр, и, когда появлялись Их Императорские Высочества, начинался спектакль; после спектакля очень оживленный бал продолжался до ужина, который подавался в зале театра; посередине залы ставили большой стол, а в ложах – маленькие; Великий Князь и Княгиня ужинали, прохаживаясь между гостями и разговаривая с ними. После ужина опять начинался бал и кончался очень поздно. Разъезжались с факелами, что производило прелестный эффект на скованной льдом прекрасной Неве.

Эта эпоха была самой блестящей в жизни двора и столицы: все гармонировало. Великий Князь виделся с Императрицей–матерью утром и вечером. Он участвовал в Тайном Совете. Город был полон знати. Каждый день можно было встретить тридцать–сорок человек гостей у Голицына¹ и Разумовского², у первого министра графа Панина, где часто бывали Великий Князь и Княгиня, у графа Чернышева и у вице–канцлера, графа Остермана. Там бывало много иностранцев, приезжавших посмотреть на Екатерину Великую и подивиться ей; общий тон общества был великолепен.

Девятнадцати лет я вышла замуж; моему мужу было в это время двадцать девять. Свадьба была отпразднована 4 октября в Зимнем дворце. Ее Императорское Величество надели мне бриллианты на прическу. Императрица, кроме обыкновенных драгоценностей, прибавила еще рог изобилия. Это не ускользнуло от баронессы, любившей меня, и она сделала замечание. Ее Императорское Величество ответила, что это украшение служило ей и она выделяет им тех из невест, которые ей больше нравятся. Я покраснела от удовольствия и благодарности. Императрица заметила мою радость и, ласково подняв мой подбородок, сказала: «Посмотрите на меня; вы вовсе недурны».

Я встала; она провела меня в свою спальню, где были образа, и, взяв один, приказала мне перекреститься и поцеловать его. Я бросилась на колени, чтобы принять благословение Ее Величества; она обняла меня и взволнованно сказала: «Будьте счастливы; я желаю вам этого, как мать и государыня, на которую вы всегда должны рассчитывать».

Императрица сдержала свое слово: ее милостивое отношение ко мне продолжалось, все возрастая, до самой ее смерти.

Императрица послала графиню Шувалову и г. Стрекалова³ ко двору маркграфа Баденского просить как его, так и наследного принца, чтобы дочь последнего, Луиза, приехала в Россию. Она прибыла 31 октября 1792 г. вместе со своей сестрой Фредерикой, позднее королевой Шведской Принцессе Луизе было тринадцать с половиной лет, ее сестре – на год меньше. Их приезд произвел большую сенсацию. Дамы, посещавшие Эрмитаж, были им представлены каждая в отдельности. Я не была в их числе. Я только что оправилась от очень серьезной болезни после смерти моей второй дочери, прожившей всего только пять месяцев. Я увидела принцесс только две недели спустя после других дам.

---

¹ Князь Александр Михайлович Голицын (1718–1783) – русский генерал–фельдмаршал из рода Голицыных–Михайловичей.

² Граф (с 1744) Кирилл Григорьевич Разумовский (фамилия при рождении – Розум; 1728–1803) – последний гетман войска Запорожского (1750–1764), генерал–фельдмаршал (1764), президент Российской академии наук в течение более чем полувека (с 1746 по 1798). Основатель графского и княжеского рода Разумовских.

³ Степан Федорович Стрекалов (1728–1805) – статс–секретарь императрицы Екатерины II, тайный советник, сенатор.

Я имела честь быть представленной им во дворце, где были их апартаменты, примыкавшие к Эрмитажу. Я была поражена очаровательной прелестью принцессы Луизы. Такое же впечатление вынесли все, видевшие ее раньше меня. Я особенно привязалась к принцессе. Ее молодость и нежность внушали мне живое участие к ней и нечто вроде боязни за нее, от чего я не могла отделаться, отлично зная мою родственницу, графиню Шувалову, характер которой, склонный к интригам и безнравственный, внушал мне опасения. Императрица, назначив меня в штат принцессы, тем самым, казалось, разрешала мне проявить искреннее усердие, которое далеко не было официальным.

Я привожу здесь, что принцесса Луиза, теперь императрица Елизавета, сама рассказала мне о своем приезде в Петербург⁴.

«Мы приехали, моя сестра, принцесса Фредерика, впоследствии королева Шведская, и я, между восемью и девятью часами вечера. В Стрельне, последней станции перед Петербургом, мы встретили камергера Салтыкова, которого Императрица назначила дежурным к нам и послала навстречу, чтобы поздравить нас. Графиня Шувалова и г. Стрекалов оба сели в нашу карету, и все эти приготовления к моменту, самому интересному в моей жизни и всю важность которого я уже чувствовала, наполняли мою душу волнением, когда, въезжая в городские ворота, я услышала, как воскликнули: “Вот мы и в Петербурге!”

Невольно, в темноте, мы с сестрой взяли за руки, и по мере того, как мы ехали, мы сжимали друг другу руки, и эта немая речь говорила нам о том, что делается внутри нас.

Мы остановились у Шепеловского дворца; я бегом поднялась по хорошо освещенной лестнице; графиня Шувалова и Стрекалов, оба с довольно слабыми ногами, остались далеко позади меня. Салтыков был со мной, но он остался в передней. Я прошла по всем помещениям, не останавливаясь, и вошла в спальню, обитую малиновым штофом; там я увидела двух женщин и мужчину и сейчас же с быстротой молнии сделала следующий вывод: “Я нахожусь в Петербурге у Императрицы; нет ничего проще, что она встречает меня, следовательно, это она передо мною”, и я подошла, чтобы поцеловать руку у той, которая наиболее соответствовала представлению об Императрице, которое я составила по виденным мною портретам. Несколько лет спустя, с большим светским опытом, я, наверно, колебалась бы более долгое время, прежде чем поступить так».

«Она была с князем Zubовым⁵, тогда еще просто Платоном Zubовым, и с графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что ей очень приятно познакомиться со мной; я передала ей приветствия моей матери. Между тем пришли моя сестра и графиня Шувалова. После нескольких минут разговора Императрица удалилась, и я отдалась волшебному чувству, вызванному во мне всем, что я видела кругом себя. Я никогда не видела, чтобы что-нибудь производило такое сильное впечатление, как двор Императрицы Екатерины, когда его видишь в первый раз».

«На третий день после нашего приезда, вечером, нас должны были представить Великому Князю отцу и Великой Княгине. Весь день прошел в том, что нас причесывали по придворной моде и одевали в русские платья. Я в первый раз в жизни была в фижмах и с напудренными волосами. Вечером, в шесть или семь часов, нас отвели к Великому Князю отцу, который нас принял очень хорошо. Великая Княгиня осыпала меня ласками; она говорила со мной о моей матери, семье, о тех сожалениях, которые я должна была испытать, покидая их. Такое обращение расположило меня к ней, и не моя вина, если эта привязанность не обратилась в настоящую любовь дочери».

---

⁴ Этот рассказ полностью приведен по записке принцессы, хранящейся в Императорской библиотеке, великим князем Николаем Михайловичем в его труде «Императрица Елизавета» (СПб., 1908. Т. I).

⁵ Светлейший князь (с 1796) Платон Александрович Zubов (1767–1822) – последний фаворит Екатерины II, которая подарила ему Рундальский дворец в Курляндии.

«Все сели; Великий Князь послал за молодыми Великими Князьями и Княгинями. Я как сейчас вижу, как они вошли. Я смотрела на Великого Князя Александра так внимательно, насколько это позволяло приличие. Он мне очень понравился, но не показался мне таким красивым, как мне его описали. Он не подошел ко мне и смотрел на меня неприязненно. От Великого Князя мы направились к Императрице, которая уже сидела за своей обычной партией бостона в бриллиантовой комнате. Нас посадили с сестрой около круглого стола с графиней Шуваловой, дежурными фрейлинами и камергерами. Два молодых Великих Князя вскоре пришли после нас. Великий Князь Александр во весь вечер не сказал мне ни слова, не подошел, видимо, избегая меня. Но понемногу он освоился со мной. Игры в Эрмитаже в небольшом обществе, вечера, проведенные вместе за круглым столом, где мы играли в секреты или смотрели гравюры, постепенно привели к сближению».

«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал. Он говорил там, что, *имея разрешение своих родителей сказать мне, что он меня любит, он спрашивает меня, желаю ли я принять его чувства и ответить на них и может ли он надеяться, что я буду счастливой, выйдя за него замуж*».

«Я ответила утвердительно, так же на клочке бумаги, прибавляя, что я покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда. С этого времени на нас стали смотреть как на жениха и невесту. Мне дали учителя русского языка и “Закона Божия”».

На следующий день после представления принцессы Луизы Императрица дала аудиенцию делегатам Польши, графам: Браницкому, Рзевускому и Потоцкому, – стоявшим во главе партии, не желавшей наследственности престола в Польше. Они приехали просить Ее Величество взять Польшу под свое покровительство. Это была первая церемония, на которой участвовала принцесса Луиза. Императрица находилась на троне в тронном зале. Публика наполняла помещение, и толпа теснилась около залы кавалергардов. Граф Браницкий произнес по-польски речь. Вице-канцлер Остерман отвечал по-русски, стоя около ступеней трона. Когда окончилась церемония, Императрица возвратилась в свои апартаменты. Принцесса Луиза последовала за ней, но, обходя трон, она запуталась ногой в нитях и бахроме бархатного ковра и упала бы, если бы Платон Зубов не поддержал ее.

Она смутилась и была в отчаянии от этого случая, тем более что она в первый раз появилась публично. Нашлись смешные люди, которые сочли это дурным предзнаменованием. Им не пришло в голову сравнение одного августейшего лица, вспомнившего при этом случае Цезаря, который так счастливо выпутался в подобном обстоятельстве. Высаживаясь на берег Африки, чтобы следовать за остатками республиканской армии, он упал и воскликнул: “Африка, я держу тебя!”, обращая таким образом в свою пользу случай, который другие могли бы дурно истолковать.

Я приближаюсь к самому интересному моменту в моей жизни.

Красивое и новое зрелище открылось перед моими глазами: величественный двор; государыня заметно сближала меня с той, которая должна была вызвать во мне безусловную привязанность. Чем более имела я честь видеть принцессу Луизу, тем более внушала она мне абсолютную преданность. Несмотря на ее молодость, мое участие к ней не ускользнуло от ее внимания. Я с радостью заметила это. В начале мая двор уехал в Царское Село. На следующий за отъездом день Ее Императорское Величество приказала моему мужу, чтобы я приехала туда на все лето.

Этот приказ привел меня в восхищение. Я отправилась сейчас же, чтобы приехать раньше, чем начнется вечер у Императрицы. Как только я окончила туалет, я сейчас же отправилась во дворец, чтобы быть представленной ей. Она появилась в шесть и встретила меня

очень милостиво, говоря: «Я очень рада видеть вас в числе наших. Будьте с сегодняшнего дня госпожой Толстой Маршалшей⁶, чтобы иметь более внушительный вид».

Я хочу сейчас дать понятие о лицах, которым было разрешено пребывание в Царском Селе и которые были допущены в ее кружок. Но прежде чем рисовать различные портреты, я хотела бы дать образ государыни, которая в продолжение тридцати четырех лет делала счастливой Россию.

Потомство будет судить Екатерину II со всем пристрастием людей. Новая философия, которой она, к несчастью, была заражена и которая была ее главным недостатком, обволакивает как бы густой вуалью ее великие и прекрасные качества. Но мне казалось бы правильным проследить ее жизнь с юности, прежде чем заглушать отзвуки ее славы и непередаваемой доброты.

Императрица была воспитана при дворе принца Ангальтского, своего отца, невежественной гувернанткой низкого поведения, которая едва могла научить ее читать⁷.

Ее родители никогда не занимались ни ее убеждениями, ни ее воспитанием. Ее привезли и Россию семнадцати лет, она была красива, полна естественной грации, талантов, чувственности и остроумия, с желанием учиться и нравиться.

Ее выдали замуж за герцога Голштинского, бывшего тогда Великим Князем и наследником Императрицы Елизаветы, своей тетки. Он был м-красив, слабоволен, маленького роста, мелочен, пьяница и развратник. Двор Елизаветы также представлял полную картину разврата. Граф Миних⁸, умный человек, первый разгадал Екатерину и предложил ей учиться. Это предложение было поспешно принято. Он дал ей для начала словарь Бейля, произведение вредное, опасное и соблазнительное, в особенности для того, у кого нет ни малейшего представления о божественной истине, поражающей ложь⁹. Екатерина прочла его три раза подряд в течение нескольких месяцев. Оно воспламенило ее воображение и потом привело ее к общению со всеми софистами. Таковы были склонности принцессы, ставшей женой Императора, у которого не было другого честолюбия, как сделаться капралом Фридриха II. Россия была под игом слабости; Екатерина страдала от этого; ее великие и благородные мысли перешагнули через препятствия, противившиеся ее подъему. Ее характер возмущался развращенностью Петра и его презрительным отношением к своим подданным. Всеобщая революция собиралась разразиться. Желали регентства, и так как у Императрицы был десятилетний сын – впоследствии Павел I, – то было решено, что Петра III отошлют в Голштинию. Князь Орлов и его брат, граф Алексей, пользовавшиеся тогда расположением Императрицы, должны были отправить его. Приготовили корабли в Кронштадте, и на них хотели отправить Петра с его батальонами в Голштинию. Он должен был переночевать накануне отъезда в Ропше, близ Ориенбаума.

Я не буду входить в подробности этого трагического события. О нем слишком много говорили и извращали его; но, способствуя истине, я считаю необходимым привести здесь подлинное свидетельство, слышанное мною от министра графа Панина. Его свидетельство является тем более неоспоримым, что известно, что он не был особенно привязан к Императрице. Он был воспитателем Павла, надеялся, что будет держать бразды правления во время регентства женщины, и обманулся в своих ожиданиях. Сила, с которой Екатерина овладела властью, разбила все его честолюбивые замыслы и оставила в его душе недоброжелательное чувство.

Однажды вечером, когда мы были у него, в кругу его родственников и друзей, он рассказал нам много интересных анекдотов и незаметно подошел к убийству Петра III. «Я был, –

---

⁶ Мы дали это прозвище, потому что мой муж был немножко толст. – *Прим. авт.*

⁷ Автор несправедлив к м-ль Гардель, француженке, правда, не очень ученой, но которой Екатерина II, во всяком случае, обязана большим, чем умение читать. – *Прим. сост.*

⁸ Жан Эрнест (сын знаменитого фельдмаршала) родился в 1707, умер в 1788. – *Прим. автора.*

⁹ Все эти подробности получены мною от моего дяди Шувалова, которому Императрица рассказывала все это сама. – *Прим. автора.*

говорил он, – в кабинете Императрицы, когда князь Орлов пришел известить ее, что все кончено. Она стояла посреди комнаты; слово “кончено” поразило ее. – “Он уехал!” – возразила она сначала. Но, узнав печальную истину, она упала без чувств. С ней сделались ужасные судороги, и одну минуту боялись за ее жизнь. Когда она очнулась от этого тяжелого состояния, она залилась горькими слезами, повторяя: “Моя слава погибла, никогда потомство не простит мне этого невольного преступления”. Фавор заглушил в Орловых всякое другое чувство, кроме чрезмерного честолюбия. Они думали, что если они уничтожат Императора, Князь Орлов займет его место и заставит Императрицу короновать его».

Трудно описать твердость характера Императрицы в ее заботах о государстве. Она была честолюбива, но в то же время покрыла славой Россию; ее материнская заботливость распространялась на каждого, как бы он незначителен ни был. Трудно представить зрелище, более величественное, чем вид Императрицы во время приемов. И нельзя было быть более великодушным, любезным и снисходительным, чем она в своем тесном кругу. Едва появлялась она, исчезала боязнь, заменяясь уважением, полным нежности. Точно все говорили: «Я вижу ее, я счастлив, она наша опора, наша мать».

«Екатерина после приезда в Россию». Художник Луи Каравак. 1745 г. Екатерина II Алексеевна Великая (урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, 1729–1796) – императрица Всероссийская с 1762 по 1796 год

Садясь за карты, она бросала взгляд вокруг комнаты, чтобы посмотреть, не нужно ли кому чего–нибудь. Она доводила свое внимание до того, что приказывала опустить штору, если кого беспокоило солнце. Ее партнерами были дежурный генерал–адъютант, граф Строганов¹⁰, и старый камергер Чертков¹¹, которого она очень любила. Мой дядя, обер–камергер Шувалов, тоже иногда принимал участие в игре или, по крайней мере, присутствовал при этом. Платон Зубов тоже. Вечер продолжался до девяти часов или до половины десятого.

Я вспоминаю, что однажды Чертков, бывший плохим игроком, рассердился на Императрицу, заставившую его проиграть. Ее Величество была оскорблена тем, как он бросил карты. Она не сказала ничего и прекратила игру. Это случилось как раз около того времени, когда обыкновенно расходились. Она встала и простилась с нами. Чертков остался уничтоженным. На следующий день было воскресенье. Обыкновенно в этот день бывал обед для всех, входивших в администрацию. Великий Князь Павел и Великая Княгиня Мария приезжали из Павловска, замка, в котором они жили, находившегося в четырех верстах от Царского Села. Когда они не приходили, то был обед для избранных лиц под колоннадой. Я имела честь быть допущенной на эти обеды. После обедни и приема, когда Императрица удалялась в свои покои, маршал Двора, князь Барятинский, перечислял лиц, которые должны были иметь честь обежать с ней. Чертков, допущенный на все небольшие собрания, стоял в углу, крайне огорченный происшедшим накануне. Он почти не смел поднять глаза на того, кто должен был произнести над ним приговор. Но каково же было его удивление, когда он услышал свое имя. Он не шел, а бежал. Мы пришли к месту обеда. Ее Императорское Величество сидела в конце колоннады. Она встала, взяла Черткова под руку и молча обошла с ним кругом колоннады. Когда она возвратилась на прежнее место, она сказала ему по–русски: «Не стыдно ли вам думать, что я на вас сержусь? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры остаются без последствий?» Никогда я не видела человека в таком волнении, в каком был этот парик; он расплакался, беспрестанно повторяя: «О, матушка, что сказать тебе, как благодарить тебя за такие милости? Всегда готов умереть за тебя!»

А на вечерах в Царском Селе рядом со столом Императрицы стоял круглый стол. Принцесса Луиза, уже считавшаяся невестой Великого Князя, сидела там между своей сестрой и мной. Кроме нас, там сидели м–ль Шувалова, теперь в замужестве Дитрихштейн¹², и племянницы графини Протасовой¹³.

Императрица давала распоряжение принести нам карандаши, перья и бумагу. Мы рисовали или играли в секретер. Иногда Ее Величество опрашивала, что у нас выходило, и весело смеялась. Графиня Шувалова играла в карты с м–ль Протасовой, дежурными придворными и иногда с графиней Браницкой, которая по временам приюкала в Царское Село.

Дворец в Царском построен Императрицей Елизаветой I. Он обширен и красив, несмотря на свою готическую архитектуру Императрица Екатерина прибавила для себя особое помеще-

---

¹⁰ Барон, затем с 1761 года граф Александр Сергеевич Строганов (1733–1811) – русский государственный деятель из рода Строгановых: сенатор, обер–камергер (1797), действительный тайный советник 1–го класса, с 1800 г. президент Императорской академии художеств. Крупнейший землевладелец и уральский горнозаводчик; коллекционер и благотворитель. С 1784 г. петербургский губернский предводитель дворянства.

¹¹ Ефрем Александрович Чертков – тайный советник, один из ее друзей в момент восшествия на престол.

¹² Александра Андреевна Дитрихштейн (1814–1889), ур. Шувалова (1774–1847), дочь А. П. Шувалова (1744–1788) и Е. П. Салтыковой (1743–1817), супруга с 1797 года Ф. И. Дитрихштейна (1767–1854). (1830–е)

¹³ Графиня (с 1801) Анна Степановна Протасова (1745–1826) – доверенная фрейлина Екатерины II. Двоюродная сестра братьев Орловых, была пожалована императрицей Екатериной II сначала в статс–фрейлины, потом, в 1785, – в камер–фрейлины, пользовалась ее неограниченным доверием и была с ней неразлучно по самую кончину монархини.

ние в ее изысканном вкусе. Оно находилось за многочисленными залами в зеркалах и позолоте, отделявшими от апартаментов, занятых прежде Великим Князем Павлом, и за которыми находилось возвышение, где Императрица обыкновенно стояла обедню вместе с семьей и дамами ее свиты. Первая комната этого нового помещения была отделана живописью восковыми красками; в следующей комнате стены украшены были сибирской лазурью, а пол был сделан из красного дерева и перламутра. Большой кабинет рядом – весь из китайского лака, а если повернуть налево, находилась спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинет с зеркалами, разделенными большими деревянными панно. Маленький кабинет служил входом в колоннаду, которая была вся видна в перспективе из двери.

На террасе, перед колоннадой, находился диван, обитый зеленым сафьяном, и стол. Ее Величество занималась там делами рано утром. Перед этой очень простой пристройкой находилась маленькая стена. Если обогнуть ее, то налево открывался прелестный газон, окаймленный прекрасными и душистыми цветами. Красивые комнаты примыкали к террасе с этой стороны. Налево барьер из гранита шел до самого сада, украшенный бронзовыми статуями, вылитыми по древним образцам в Императорской Академии.

Колоннада представляла из себя стеклянную галерею с мраморным полом. Она была окружена другой открытой галереей, с рядом колонн, поддерживавших крышу; с нее открывался обширный вид. Колоннада возвышалась над двумя садами; старый парк, многолетние липы которого бросали тень на маленькие комнаты рядом с террасой, и английский сад с красивым озером посередине.

Это прекрасное помещение, занятое той, которая обладала всем, чтобы нравиться и вызывать привязанность, казалось волшебным. У Императрицы был особый дар облагораживать все, к чему она приближалась. Она сообщала смысл всему, и самый глупый человек переставал казаться таким около нее. Каждый оставлял ее довольным собой, потому что она умела говорить, не вызывая смущения и применяясь к разумению того, с кем она говорила.

Императрица очень любила своего внука, Великого Князя Александра (впоследствии Императора Александра I). Он был красив и добр; но качества, которые можно было заметить в нем тогда и которые должны бы были обратиться в добродетели, никогда не могли вполне развиваться. Его воспитатель, граф Салтыков¹⁴, коварный и лукавый интриган, так руководил его поведением, что неизбежно должен был разрушить откровенность его характера, заменяя ее заученностью в словах и принужденностью в поступках. Граф Салтыков, желая сохранить одновременно расположение Императрицы и ее сына, внушал Великому Князю скрытность. Его доброе и превосходное сердце иногда брало верх, но тотчас же воспитатель пытался подавить движения его души. Он отдалял его от Императрицы и внушал ему ужас по отношению к отцу. Молодой князь испытывал поэтому постоянную неудовлетворенность своих чувств.

Великий Князь – отец старался передать ему свою склонность к военному. Он требовал, чтобы Александр, он и его брат присутствовали два раза в неделю на ученье в Павловске. Учил его тактике мелочной и мелкой, постепенно сглаживая в нем великие идеи о военном искусстве, независимо от мундира прусского образца и более или менее крепко пришитой пуговицы. Но, несмотря на эти обстоятельства, способные разрушить самый яркий характер, я должна отдать справедливость моему Государю; прощение всегда настолько низко его сердцу насколько далека от него тирания; у него мягкий и обворожительный характер; в его разговоре есть прелесть и благородство, много красноречия в стиле, совершенная скромность в его добрых делах.

---

¹⁴ Граф (1790), затем (с 1814) светлейший князь Николай Иванович Салтыков (1736–1816) – виднейший царедворец своего времени, официальный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, родоначальник княжеской ветви Салтыковых.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла невыразимую прелесть и грацию со сдержанностью и тактичностью, довольно редкими в четырнадцать лет. Во всех ее поступках проглядывал результат забот матери, как уважаемой, так и любимой. Ее ум, мягкий и тонкий, с крайней быстротой схватывал все, что могло его украсить, как пчела, которая умеет достать мед из самых ядовитых растений. В ее разговоре отражалась свежесть ее юности, и к этому она присоединяла правильность понятий. Мне никогда не надоедало ни слушать ее, ни изучать ее душу, в которой так мало пошлости, душу, предвещавшую все добродетели, но также заключающую в себе и все опасные стороны характера. Ее доверие ко мне, возрастая со дня на день, все более оправдывало мои чувства к ней. Ее слава от этого становилась для меня дороже и драгоценнее. Первое лето, которое мы провели вместе, было началом дружбы, продолжавшейся много лет. Она представлялась мне молодым и прекрасным растением, стебель которого, выращенный искусной рукой, мог дать прекрасные побеги, но бури и вихри угрожали остановить его рост. Опасности, увеличившиеся вокруг нее, усиливали мою заботливость.

Этот год¹⁵ был отмечен интересными событиями: взятие Курляндии, Варшавы и раздел Польши. Последнее было неизбежным политическим следствием первых двух событий. Ненависть поляков против русских усилилась, и зависимое положение довело до крайней степени их раздраженную гордость. Я была свидетельницей сцены, которую я никогда не могу забыть. Она дала мне понятие о силе очарования Императрицы.

Приехала депутация поляков для представления Государыне. Все мы дожидались Императрицу в салоне. Насмешливый и враждебный вид этих господ меня очень забавлял. Государыня вошла в комнату; мгновенное движение выпрямило их всех. У нее был величественно–снисходительный вид, вызвавший у них глубокий поклон. Она сделала два шага; ей представили этих господ, и каждый из них становился на одно колено, чтобы поцеловать у нее руку. В эту минуту у всех у них на лицах было выражение покорности. Императрица заговорила с ними, и они просияли. Через четверть часа она удалилась, сделав свой обыкновенный медленный реверанс, который невольно заставлял наклонить голову каждого из присутствующих. Поляки были вне себя от восторга; они уходили бегом и громко говорили.

По мере того как я разыскиваю в прошлом воспоминания, составлявшие тогда мое наслаждение, невольные сравнения приходят мне на ум и прерывают нить моих мыслей. Что же такое жизнь, как не постоянное сравнение прошлого с настоящим? Ощущения притупляются с возрастом; чувства успокаиваются, точка зрения проясняется, душа освобождается понемногу от своих оков. В ней, как в прекрасной картине, потемневшей от времени, легкие тени теряют свой блеск, но зато больше силы в общем впечатлении, и она дороже ценится знатоками.

Возвратимся ко двору, к человеческим слабостям и... к моей повязке. Графиня Салтыкова, родственница графини Шуваловой, очень желала быть допущенной на концерты Эрмитажа. Императрица предоставила эту милость ей и ее дочерям один или два раза. Однажды, когда она была приглашена, мы дожидались Ее Величества в комнате, где находился оркестр. Г–жа Салтыкова – женщина хотя и с достоинствами, но была одержима непреодолимой завистью, распространенной при дворе. Милостивое отношение ко мне Императрицы иногда заставляло ее довольно сухо обходиться с моей незначительной особой. В этот вечер у меня была очень красивая прическа, которую мне устроила Толстая, и повязка под подбородком. Графиня Салтыкова подошла ко мне с холодным и враждебным видом. Она была высокого роста, внушительная, с мужскими чертами лица.

– Что это у вас под подбородком? – спросила она. – Вы знаете, эта повязка придает вам вид, будто у вас болит лицо?

---

¹⁵ 1794–й.

– Это Толстая меня так причесала, – ответила я, – и я подчинилась ее фантазии, у нее больше вкуса, чем у меня.

– Не могу от вас скрыть, – продолжала она, – но очень некрасиво.

– Что делать! Я не могу сейчас ничего переменить.

Появилась Императрица, и началась симфония; Великая Княгиня спела арию, я тоже, после чего Ее Величество позвала меня (графиня Салтыкова сидела рядом с ней).

– Что это у вас под подбородком? – сказала Императрица. – Знаете ли, что это очень красиво и идет к вам.

– Боже, как я счастлива, что эта прическа правится Вашему Величеству; графиня Салтыкова нашла это таким некрасивым и неприятным, что я была совсем обескуражена.

Императрица пропустила палец под повязку, повернула мое лицо к графине и сказала:

– Посмотрите, как она красива. Салтыкова, очень сконфуженная, ответила:

– Действительно, это довольно недурно идет к ней. Императрица немного больше потянула меня к себе и подмигнула. Мне очень хотелось рассмеяться, но я сдержалась ввиду смущения графини, она почти возбуждала жалость. Я поцеловала руку у Государыни и возвратилась на свое место.

Той же зимой¹⁶ случилось одно недоразумение, ясно свидетельствующее о доброте Императрицы. Она дала распоряжение маршалу двора, князю Барятинскому, прислать в Эрмитаж графиню Панину, в настоящее время г-жу Тутолмину¹⁷.

Ее Величество появилась и увидела графиню Фитингоф, которую она никогда не приглашала, а графини Паниной не было. Государыня сделала вид, что ничего не замечает, разговаривала и потом тихо спросила у князя Барятинского, каким образом графиня Фитингоф попала на собрание Эрмитажа.

Маршал очень извинялся и сказал, что лакей, которому было поручено приглашение, ошибся и вместо графини Паниной был у графини Фитингоф.

– Сначала пошлите за графинею Паниной; пусть она приезжает как есть; относительно же графини Фитингоф: запишите ее на лист больших собраний Эрмитажа; не надо, чтобы она могла заметить, что она здесь по ошибке.

Графиня Панина приехала и была принята как дочь человека, которого Императрица всегда уважала.

Я приведу здесь один случай, делающий честь одинаково и Императрице, и подданному. Императрица составила кодекс законов и отдала его на рассмотрение сенаторов. Тогда Ее Величество еще посещала заседания Сената. После нескольких заседаний она спросила о результате рассмотрения. Все сенаторы одобрили кодекс, только один граф Петр Панин хранил молчание. Императрица спросила его мнение.

– Должен я отвечать Вашему Величеству как верноподданный или как придворный?

– Без сомнения, как верноподданный.

Граф изъявил желание переговорить с Государыней наедине. Она удалилась с ним, взяла тетрадку и разрешила ему вычеркнуть, не стесняясь, что он находит неудобным.

Панин зачеркнул все. Императрица изорвала тетрадку надвое¹⁸, положила на стол заседаний и сказала сенаторам:

---

¹⁶ 1794–1795 гг.

¹⁷ Софья Петровна Тутолмина, дочь графа Петра Ивановича Панина, которого Екатерина называла своим «личным врагом и обидчиком», жена Ивана Васильевича Тутолмина, камергера великой княгини Елизаветы и позднее шталмейстера.

¹⁸ Скорее всего, здесь идет речь о знаменитом Наказе, составленном Екатериной в 1767 году для законодательной комиссии. Императрица никогда и не думала уничтожить это произведение, и хотя оно ни к чему и не послужило, все-таки было много раз издано.

– Господа, граф Панин только что доказал мне самым положительным образом свою преданность.

И, обращаясь к Панину, прибавила:

– Я вас прошу, граф, поехать со мной и отобедать у меня.

С тех пор Ее Величество во всех своих проектах советовалась с ним, и, когда он был в Москве, она спрашивала его мнение письменно.

Прогулка 30 мая¹⁹ – одно из самых дорогих моих воспоминаний. В жизни бывают минуты, когда кажется, что решается судьба. Они как точка, которую ничто не может стереть. Тысяча обстоятельств следуют за ней, не разрушая ее в течение лет; неприятности, проблески счастья, все кажется связанным с этим центром, наполняющим сердце.

Наш флот отправлялся в Англию. Императрица предложила Их Императорским Высочествам съездить в Кронштадт, посмотреть его. Великий Князь одобрил это предложение, Великая Княгиня тоже, при условии, что и я буду участвовать в путешествии. Графиня Шувалова была в городе около своей дочери, которая рожала. Когда эта миленькая поездка была решена, Салтыков пришел накануне утром, для того чтобы убедить Великого Князя, что я не должна принимать участия и поездке и что это возбудит особое недовольство Великой Княгини матери. Я угадала эту интригу прежде, чем кто-нибудь сказал мне о ней. Великий Князь ничего не говорил мне о путешествии, но Великая Княгиня все время высказывала желание взять меня с собой, милостиво прибавляя, что она не может наслаждаться ничем, если я не буду принимать участия. После обеда, когда я сидела у окна в помещении моего дяди, ко мне подошел Великий Князь.

---

¹⁹ 1795 г.

«Портрет графа Панина». Художник Григорий Сердюков. 1760–е гг. Петр Иванович Панин (1721–1789) – генерал–аншеф и сенатор из рода Паниных, брат Никиты Ивановича Панина. Покрыл себя славой в сражениях Семилетней войны, а в последовавшей следом войне с турками взял Бендерскую крепость. Затем командовал подавлением Пугачевского восстания и пленением самого Пугачева. Владелец и благоустроитель имений Михалково и Дугино

– Я вас искал по всему саду, – сказал мне он, – мне хотелось вас видеть.

– Ваше Высочество слишком добры, прошло немного времени, как я имела честь вас видеть. Признаюсь, что эта поспешность кажется мне немного подозрительной; я боюсь, не является ли она результатом посещения графа Салтыкова.

Великий Князь покраснел и сказал:

– Что за идея, толстуха! (Он тогда меня так звал.) Я просто хотел вас видеть. До вечера!

– Я не знаю, почему, Ваше Высочество, у меня есть предчувствие, что должно что-то случиться.

В шесть часов я поднялась к Императрице. Она появилась раньше, Их Императорские Высочества опоздали. Государыня подошла ко мне и сказала:

– Я надеюсь, что вы участвуете в путешествии?

– Я не получала еще никакого приказа, – ответила я.

– Но как же можно разлучить вас с мужем? Как же вы не будете сопровождать Великую Княгиню?

Я наклонила голову, ничего не ответив, видя, что Императрица была рассержена.

– Наконец, – прибавила она, – если о вас не позаботились, то я беру это на себя.

Когда пришли Их Императорские Высочества, Государыня была серьезна. Она села за бостон, а мы около круглого стола. Я рассказала Великой Княгине все, что произошло. Она очень обрадовалась, предвидя, что я поеду вместе с ней. Она позвала Великого Князя и передала ему все, что я ей сообщила. Он рассыпался в просьбах, чтобы я ехала с ним. Я заупрямилась, поставила ему на вид все опасности, которым он подвергался около графа Салтыкова; сознаюсь, что я была немного злой.

После вечера у Императрицы я ужинала у Их Высочеств. Та же просьба, и тот же отказ. Потом я вернулась к себе. В то время как я собиралась ложиться, Великий Князь послал за моим мужем, который пришел мне передать, что я непременно должна ехать.

Мы отправились в путь рано утром на следующий день. В свите Их Императорских Высочеств были граф Салтыков, мой муж, я, граф и графиня Толстые, г-н и г-жа Тутолмины, просившие разрешения принять участие в путешествии, дежурили фрейлина и камергер. Погода была великолепна. Много гуляли перед обедом, который был подан во дворец Монплеизир, где мы прожили два дня в течение нашей поездки. Вечером мы, я и Великая Княгиня, отправились на морской берег. Море было спокойно и позволяло надеяться на следующий день. Заходящее солнце чудно светило, и его золотые лучи освещали высокие старые деревья, длинные тени которых были усеяны яркими точками света. Этот момент в природе производит вполне определенное действие. Артист находит в нем совсем готовую палитру, которую напрасно ищет в своем воображении. Это так же, как прекрасный характер, определившийся и благородный, который поражает, вызывает привязанность и разрушает сомнение. Спокойное море является зеркалом природы; оно отражает небо так же, как красивое лицо носит отпечаток души.

Широкая аллея в середине сада поднимается уступами до большого дворца, пересекаемая струями фонтанов; они поднимаются очень высоко и рассыпаются бриллиантами. Сад оканчивается каналом, ведущим в море. Посередине канала находились катера и шлюпки, на которых мы на следующий день должны были отправиться в Кронштадт. Матросы сидели кругом котла на шлюпке и ели похлебку деревянными ложками. И Великая Княгиня остановилась на мгновение, смотря на них, потом она спустилась на несколько ступеней и спросила их, что они едят.

– Похлебку, матушка²⁰, – отвечали они разом.

Она спустилась к судну и спросила у них ложку чтобы попробовать похлебку Энтузиазм, вызванный у матросов этим добрым побуждением, достиг апогея. Их крики долго еще повторялись эхом. Великая Княгиня тихо поднялась, со спокойным, ангельским видом, который делал еще красивее ее прекрасное лицо; она молча подала мне руку и пошла по направлению к саду. Я не говорила ничего; крики матросов отдавались в глубине моей души. Красота природы, волшебная сила прелести и доброты как прекрасный аккорд на хорошо настроенном

---

²⁰ Это одно из самых почтительных выражений народа.

органе: звуки проникают в сердце и заставляют забывать слова, слишком сильно чувствуешь, чтобы искать их.

На следующий день мы отплыли в Кронштадт. Стояла хорошая тихая погода. Подъехали прямо к флоту; он находился на рейде, весь разукрашенный флагами; снасти, связанные гирляндами, были усеяны матросами, что представляло красивое зрелище. Мы поднялись при криках «ура» на корабль командующего флотом адмирала Ханыкова²¹. Их Императорским Высочествам подали превосходный морской завтрак. Каюты были красивы. Мы гуляли по палубе. Обширность моря дает представление о бесконечности, а корабль свидетельствует об уме человека.

Мы обедали в Кронштадте у вице-адмирала Пушкина²². Изобилие плохо приготовленных блюд не способствовало возбуждению аппетита; но молодость, здоровье и телесное упражнение делают вкусными кушанья. Лакомство – это слабость старости, последнее наслаждение, очень печальное и скучное. Юность не думает о желудке, ее аппетит гораздо деликатнее.

После обеда мы проехали по живописной местности Кронштадта и к вечеру отплыли обратно в Петербург. Мерное покачивание лодки успокаивает и усыпляет. Такое действие оно производит почти на всех, кто не страдает морской болезнью. Великая Княгиня положила голову ко мне на плечо и заснула. Великий Князь стоял на руле. Все дамы были немного утомлены. Фрейлина Голицына, в настоящее время графиня Сен-При, старалась преодолеть сон и делала смешные гримасы, открывая то один глаз, то другой. Граф Салтыков посматривал искоса с принужденной улыбкой на Великую Княгиню, притомившуюся ко мне. Я же была счастлива тяжестью моей ноши и не хотела бы ни с кем перемениться положением.

Полужинали рано, чтобы воспользоваться утром на следующий день. Великая Княгиня, как только проснулась, пришла в мою комнату. Она застала меня с Толстой еще совершенно раздетыми. Эти минуты свободы доставляют самое большое удовольствие высоким особам; они рады на время покинуть свое положение. Судьба Великой Княгини должна была ее привести на трон, но в шестнадцать лет об этом можно забыть. Она была тогда далека от мысли, что через немного лет она окажется на сцене, приковывающей к себе все взгляды, где надо скрывать иллюзии под величием и достоинством и охранять уважение и демаркационную линию, которые являются причиной порядка и безопасности.

Великая Княгиня приказала мне отправиться завтракать с ней; г-жа Геслер приготовила нам превосходный завтрак, и Великий Князь пришел его попробовать. Мы почитали некоторое время и пошли гулять втроем: Великая Княгиня, графиня Толстая и я. Мы уехали из Петербурга после обеда довольно поздно, в восхищении от нашего небольшого путешествия.

Однажды вечером Великий Князь попросил у Ее Величества остаться у себя. Позвали Дъетца с виоль дамур и трех других превосходных музыкантов для исполнения квартетов. Когда этот маленький концерт окончился, Великая Княгиня приказала мне следовать за ней в ее внутренние апартаменты.

– Уже давно, – сказала она мне, – хотела я вам показать нечто вроде дневника, который я хочу послать матери при верной okazji. Я не хочу его отправить, не показав вам и не отдав его на ваше суждение. Оставайтесь здесь (мы были в спальне), я сейчас принесу его, и вы поступите по своему разумению.

Она вернулась, мы сели около камина; я прочла тетрадку и бросила ее в огонь. У Великой Княгини вырвалось резкое движение, потом на лице ее отразилось удивление.

– Что вы делаете? – сказала она с легким раздражением в голосе.

– То, что я должна, Ваше Высочество. – Эта рукопись обладает всей прелестью стиля и искренним доверием дочери к своей матери; но когда принцесса, ваша мать, прочтет его, нахо-

---

²¹ Петр Иванович Хныков (1743–1812).

²² Вице-адмирал Алексей Васильевич Мусин-Пушкин.

дась на расстоянии восьмисот лье от вас, она будет беспокоиться. Каким образом вы можете ее тогда успокоить? Вы посеете в ее душе смущение и муку. Большая разница, говорить или писать. Иногда одного слова достаточно для человека, который нас любит.

Великая Княгиня согласилась с трогательной прелестью и сказала мне многое, что тронуло мое сердце.

Эта тетрадка была отражением души, всецело изливающейся на груди любимой матери, преувеличивая опасность, из благородного стремления и большого недоверия к самой себе. На ее стиле заметно отразился характер ее учения. История была все время ее любимым чтением. Изучение сердца человеческого помогает нам познавать и судить себя. Благородство ее души в соединении с принципами располагало ее к снисходительному отношению к другим и большой строгости к себе.

Одной из причин, заставивших меня уничтожить эту рукопись, было желание лишить возможности Великую Княгиню читать ее.

В январе–месяце я появилась при дворе и была представлена принцессе Юлии. Ее свадьба с Великим Князем была отпразднована в феврале 1796 года. Она получила имя Великой Княгини Анны. В день свадьбы был большой бал и иллюминация в городе. Их отвезли в мраморный дворец, находившийся недалеко от Государыни, на берегу Невы. Императрица подарила мраморный дворец Великому Князю Константину Думали, что для него будет устроен Шепелевский дворец, примыкавший к Зимнему; но его поведение, когда он почувствовал себя на свободе, доказало, что за ним был нужен строгий надзор. Немного спустя после свадьбы он забавлялся в манеже мраморного дворца тем, что стрелял из пушки, заряженной живыми крысами. И Государыня, возвратясь в Зимний дворец, поместила его в боковых апартаментах Эрмитажа.

Великой Княгине Анне было тогда четырнадцать лет; у нее было очень красивое лицо, но она была лишена грации и не получила воспитания; она была романтична, что становилось еще опаснее от полного отсутствия принципов и образования. Она обладала добрым сердцем и природным умом, но все представляло опасность для нее, потому что у нее не было ни одной из тех добродетелей, которыми преодолевают слабости. Ужасное поведение Великого Князя Константина еще более сбивало ее с толку. Она стала подругой Великой Княгини Елизаветы, которая была бы способна содействовать подъему ее души, но обстоятельства и ежедневные события, все более и более тягостные, едва давали ей опомниться самой.

Я должна бы раньше упомянуть о приезде двух братьев князей Чарторижских²³. К несчастью, они играли слишком заметную роль, чтобы не поместить их в мои Воспоминания. Они часто приходили ко мне. Старший был сдержан и молчалив, у него изящный вид, серьезное лицо и выразительный взгляд. У него лицо страстного человека. Младший очень оживлен, горяч и много французского в манерах. Великий Князь Александр сразу полюбил их. Спустя несколько месяцев после их приезда они были назначены камергерами. Императрица отличала их ради их отца, который был одним из замечательных людей своей страны. Поляк в душе, он далеко не стоял за нас. Ее Величество старалась покорить его, обращаясь хорошо с его детьми.

Переехали в Царское Село. Великие Княгини все более сближались друг с другом. Их дружба пока еще не оказывала влияния на доверие Великой Княгини Елизаветы ко мне. Наоборот, она даже хотела, чтобы ее невестка подружилась со мной, но это было невозможно. Характер Великого Князя Константина не допускал никакого сближения с его женой, и полный контраст, который я находила между ней и прелестной, как ангел, Великой Княгиней Елизаветой, не поощрял меня к этому.

---

²³ Адам и Константин – сыновья князя Адама и Изабеллы Флемминг.

Великий Князь Александр с каждым днем все более тесно сближался с князьями Чарторижскими и молодым графом Строгановым, другом старшего брата. Он больше не расставался с ними. Общество молодых людей, окружавших Великого Князя, вовлекло его в предосудительные связи. Князь Адам Чарторижский, ободренный особой дружбой Великого Князя, находясь вблизи от Великой Княгини Елизаветы, не мог ее видеть, не испытывая чувства, которое уважение, принципы и благодарность должно бы было подавить в самом начале.

Великий Князь и его двор перебрались 12 июня в Александровский дворец. Государыня построила его для своего внука. Дворец был очень красив, и перед ним был разбит разделанный палисадник, примыкавший к английскому саду. Перед окнами Великой Княгини находился цветник, окруженный железной решеткой с маленькой дверью, через которую был ход в ее внутренние апартаменты. За несколько дней перед переездом Государыня подозвала меня (это было на одном из маленьких балов в воскресенье) и сказала мне:

– Сделайте мне удовольствие, передайте вашему мужу, чтобы он распорядился расстановкой мебели и в Александровском дворце: он совсем закончен. Мне хотелось бы, чтобы Великий Князь вступил во владение им вместе со своим дворцом. Выберите себе помещение, какое вам больше понравится и где вы будете ближе к Великой Княгине Елизавете. Я надеюсь, что она довольна мною; я делаю все, чтобы ей угодить. Я ей дала самого красивого юношу в моем государстве.

Ее Величество остановилась на минуту, потом прибавила:

– Скажите мне, вы их видите постоянно, действительно ли они любят и довольны друг другом?

Я отвечала чистую правду, что они кажутся счастливыми. Тогда они еще были счастливыми, насколько это было возможно для них. Императрица положила свою красивую руку на мою и нашла мне с волнением, все перевернувшим в миг:

– Я знаю, что не в вашем характере ссорить супругов. Я вижу все, знаю больше, чем можно об этом подумать, и моя любовь к вам будет продолжаться всегда.

– Ах, – отвечала я, – то, что Ваше Величество только что сказали мне, драгоценнее для меня, чем власть над всем миром, и я могу поклясться, что я употреблю всю свою жизнь, чтобы быть достойной этого мнения, которое дороже для меня, чем сама жизнь.

Я поцеловала ей руку; она встала, говоря:

– Я покидаю вас; мы слишком хорошо понимаем друг друга, чтобы нам играть роли.

Во время этого разговора князь Алексей Куракин находился напротив. Он подошел пригласить меня протанцевать полонез.

– Можно быть уверенным, кузина, – сказал он, – что с вами недурно обращаются.

Я ничего не отвечала и почти не слыхала, что он мне говорил. Я передала мужу приказания Ее Величества. Он занялся устройством всего, и три дня спустя мы были в новом помещении.

Я позволю себе привести здесь одну мысль. Самая ужасная клевета сумела уверить некоторых несчастных, готовых поверить всему дурному, что Государыня поощряла страсть Зубова к Великой Княгине Елизавете; что у ее внука не было детей, а она желала этого во что бы то ни стало. Только что приведенный мною разговор, бывший 9 июня 1796 года, мне кажется совершенно достаточным, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Скажу даже больше: Ее Величество сама говорила с Зубовым в конце 1796 года по поводу его непристойных чувств к Великой Княгине и заставила его совершенно переменить поведение.

Двадцать пятого июня я была разбужена пушечными выстрелами, возвещавшими разрешение от бремени Великой Княгини Марии. У нее родился сын, названный Николаем. Она лежала в Царском Селе. Государыня не спала всю ночь возле нее и была крайне рада, что у нее было одним внуком больше.

Через несколько времени случилось событие, глубоко огорчившее Ее Величество. На одном из воскресных балов г-жа Ливен, гувернантка Великих Княжен, спросила у Государыни позволения говорить с ней. Она посадила ее рядом с собой, и г-жа Ливен сообщила ей о случае жестокости, проявленной Великим Князем Константином по отношению к одному гусару. Он с ним ужасно обошелся. Этот жестокий поступок был совершенной новостью для Государыни. Она тотчас же послала своего доверенного камердинера и велела ему собрать как можно полные сведения относительно этого случая. Тот возвратился, подтверждая донесение г-жи Ливен. Государыня до того была взволнована этим, что сделалась больна. Я мимо, что, когда она возвратилась в свои внутренние апартаменты, с ней случилось нечто вроде апопектического удара. Она написала Великому Князю Павлу, сообщая ему обо всем случившемся и прося наказать своего сына, что он и сделал очень строго, но не так, как было условлено. Мигом Государыня распорядилась посадить его под арест.

На следующее воскресенье Государыня, хотя и не совсем хорошо себя чувствовала, приказала Великому Князю Александру дать у себя бал, произведший на меня очень печальное впечатление. Нездоровье Государыни беспокоило меня. В глубине души у меня было смущение и мрачные предчувствия, к несчастью, слишком осуществившиеся. Позвали Великую Княгиню Анну, которую Великий Князь Константин не хотел отпускать от себя; едва она пробыла на балу полчаса, как он послал за ней, и она уехала почти со слезами.

«Апофеоз царствования Екатерины II». Художник Григорио Гульельми. 1767 г.

Новые проекты и надежды занимали умы. Говорили о браке Великой Княгини Александры²⁴ со шведским королем²⁵. Однажды вечером Государыня подошла ко мне и сказала:

– Знаете, я очень занята устройством моей внучки Александры. Я хочу выдать ее замуж за графа Шереметьева²⁶.

²⁴ Дочь Великого Князя Павла, родилась 29 июля 1783 г. и умерла в 1801 г. Была замужем за великим герцогом Иосифом, палатином Венгрии.

²⁵ Густав-Адольф IV.

²⁶ Граф Николай Петрович Шереметьев, родился в 1751 году, умер в 1809 году действительным тайным советником, обер-

– Я слышала об этом, Ваше Величество, – отвечала я, – но говорят, что его родные не согласны.

Этот ответ показался ей очень забавным.

Хотя и казалось, что Ее Величество совсем поправилась, она жаловалась на ноги. Однажды в воскресенье, перед обедом, она взяла меня за руку и подвела к окну, выходившему в сад.

– Я хочу, – сказала она, – построить здесь арку, соединяющую салоны с колоннадой, и здесь буду проходить в часовню. Это избавит меня от долгого пути, который я принуждена делать, чтобы идти к обеду. Когда я прихожу на трибуну, у меня уже больше нет сил стоять. Если я умру, я уверена, что это вас очень огорчит...

Эти слова, сказанные Государыней, произвели на меня действие, не поддающееся описанию. Ее Величество продолжала:

– Вы меня любите, я знаю это и тоже вас люблю, успокойтесь.

Она быстро отошла от меня; она была взволнована. Я осталась, прислонившись к стеклу, заглушая рыдания.

Мне казалось, что время летело; при отъезде из Царского Села мне было печально, как никогда. Внутренний голос в глубине моей души говорил мне: это было последнее лето, проведенное тобою там. За несколько дней перед отъездом Великая Княгиня Елизавета попросила меня написать ей прощальное письмо. Я никогда не могла понять этой Мысли, еще более опечалившей меня. Все, казалось, готовилось к тяжелому исходу.

Я повиновалась; она мне прислала такой же ответ, хранящийся у меня до сих пор.

По возвращении в город стали громко говорить о приезде шведского короля. Готовились к празднествам и удовольствиям, обратившимся в скорбь и плач.

Король приехал вскоре после того, как двор возвратился в город. Он взял псевдоним графа Гага и остановился у своего посланника барона Штеддинга. Его первая встреча с Государыней была очень интересна. Она нашла его таким, каким она желала его видеть. Мы были представлены королю в Эрмитаже. Вход Их Величеств в гостиную был замечателен. Они держались за руку. Достоинство и благородный вид Императрицы нисколько не уменьшали красивой осанки, которую умел сохранить молодой король. Его черное шведское платье, волосы, падающие на плечи, прибавляли к его благородству рыцарский вид. Все были поражены этим зрелищем.

Герцог Зюдерманландский, дядя короля, далеко не был представителем. Он был невысокого роста, с немного косыми смеющимися глазами, рот у него был сердечком, маленький заостренный живот и ноги, как зубочистки. Его движения были быстры и взволнованны; у него постоянно был такой вид, что он хочет что-то сделать. Я понравилась ему, и он за мной настойчиво ухаживал везде, где только встречал меня. Государыня очень забавлялась этим. Однажды вечером, в Эрмитаже, когда он любезничал более чем обыкновенно, Ее Величество подозвала меня и сказала, смеясь:

– Надо верить только половине из того, что говорят: но с вашим влюбленным верьте только четверти.

Двор находился в это время в Таврическом дворце. Чтобы придать разнообразие вечерам, устроили маленький бал из лиц, составлявших общество Эрмитажа. Мы собрались в гостиной. Появилась Государыня и села рядом со мной. Мы разговаривали некоторое время. Дожидались короля, чтобы открыть бал.

камергером и шефом кадетского корпуса. Он был одним из самых богатых людей своего времени и женился позднее на своей крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой–Жемчуговой. После ее смерти в 1803 году он основал в Москве в память ее странноприимный дом.

– Я думаю, – сказала мне Ее Величество, – что лучше начать танцы. Когда Король придет, он будет менее смущен, застав все в движении, чем это общество, которое сидит и ждет его.

– Ваше Величество, прикажете мне пойти распорядиться? – спросила я.

– Нет, – ответила она, – я дам знак камер-юнкеру. Она сделала знак рукой, но камер-юнкер не заметил его, а вице-канцлер граф Остерман принял это на свой счет. Старик подбежал со своей длинной палкой так скоро, как мог, и Государыня встала, отвела его к окну и серьезно проговорила с ним около пяти минут. Она вернулась потом на свое место и спросила меня, довольна ли я ею.

– Я желала бы, чтобы все дамы в С.–Петербурге могли поучиться у Вашего Величества, как деликатно надо обращаться с гостями.

– Но как же я могу поступать иначе, – возразила она. – Я огорчила бы этого бедного старика, сообщив ему, что он ошибся. Вместо этого, поговорив с ним о погоде, я убедила его, что он действительно был позван мною. Он доволен, вы довольны, и, следовательно, я довольна²⁷.

Вошел Король. Государыня была приветлива с ним, сохраняя известную меру и достоинство. Их Величества присматривались друг к другу, пытаясь проникнуть в душу. Прошло несколько дней, и Король завел разговор о своем желании вступить в брак. Государыня, не высказав согласия, пожелала сначала договориться относительно главных пунктов. Переговоры и обсуждения следовали одно за другим; разъезды министров и договаривающихся сторон возбуждали любопытство при дворе и в городе.

В большой галерее Зимнего дворца был дан бал. В этот вечер Король еще не был осведомлен об отношении к нему Великой Княжны Александры, что очень беспокоило его. На следующий день было большое празднество в Таврическом дворце; я сидела рядом с Государыней, и Король стоял перед нами. Княгиня Радзивилл принесла Ее Величеству медальон с портретом Короля, сделанным из воска художником Тонса, выдающимся артистом. Он сделал портрет на память, видев Короля всего только один раз на балу в галерее.

– Очень похож, – сказала Государыня, – но я нахожу, что граф Гага изображен на нем очень печальным.

Король с живостью заметил:

– Это потому, что я вчера был несчастен. Благоприятный ответ Великой Княжны был ему объявлен только утром.

Перебрались в Зимний дворец. Было приказано всем придворным и знати давать балы. Первый был у генерал-прокурора графа Самойлова²⁸. Стоит еще хорошая погода. Многие из гостей, русских и шведов, ждали приезда Императрицы на балконе. В тот момент, как показалась ее карета, видели, как поднялась на небе падающая звезда (comete) и исчезла за крепостью. Это явление природы вызвало много суеверных толков.

Ее Величество вошла в зал. Король был уже там. После первых танцев Государыня ушла в кабинет вместе с Королем. Туда были допущены некоторые лица из ее близкого общества. Другие играли в бостон²⁹. В это время у Их Величества произошло первое совещание по поводу брака. Государыня передала Королю бумагу и попросила его прочесть ее потом у себя. Я находилась в зале, где танцевали. Императрица позвала меня и приказала мне сесть и занять тех из гостей, кто не играл в карты. Вскоре после этого Государыня возвратилась вместе с Королем в залу. Был подан очень хороший ужин; Государыня не села за стол и рано уехала с бала.

---

²⁷ Занимая с 1783 г. главный пост в Коллегии иностранных дел, в действительности Остерман предоставил все дела по управлению князю Безбородко, секретарю кабинета государыни.

²⁸ Александр Николаевич Самойлов – генерал-прокурор Сената; назначен на этот пост в 1792 г. благодаря родству с Потемкиным (последний был его дядей) и в 1795 г. получил титул графа. Он написал биографию своего дяди.

²⁹ Бостон – карточная игра XVIII века, похожая на вист.

Граф Строганов также дал бал, который Императрица почтила своим присутствием. Переговоры относительно брака шли как нельзя лучше, отчего Ее Величество была очень весела и любезнее, чем обыкновенно. Она приказала мне сесть за ужином против влюбленных и после рассказать ей, как они любезничали.

Король был очень занят Великой Княжной Александрой. Они не переставая разговаривали. Когда ужин кончился, Государыня позвала меня, чтобы спросить у меня о моих наблюдениях. Я сказала ей, что заботы г-жи Ливен оказались напрасными; что Великая Княжна была совсем испорчена; что это было неприятно видеть; что Король не ел и не пил, а насыщался взглядами. Все эти глупости очень забавляли Императрицу.

На этом вечере она была с веером в руках, чего я раньше у нее никогда не видела. Она держала его так странно, что я не могла удержаться, чтобы не смотреть на нее. Она это заметила.

– На самом деле я думаю, – сказала мне Ее Величество, – что вы смеетесь надо мной.

– Должна признаться Вашему Величеству, – отвечала я, – что никогда я не видала, чтобы более неловко держали веер.

– Правда, – продолжала она, – что у меня немного вид Нинет при дворе³⁰, но Нинет очень пожилой.

– Эта рука, – сказала я, – не создана для пустяков; она держит веер, как скипетр.

Были также балы у австрийского посланника, графа Кобенцля и у вице-канцлера графа Остермана на даче.

Я приведу здесь копию некоторых бумаг, писанных собственноручно Государыней и королем шведским. Они мне были вручены немного спустя после смерти Екатерины II.

«Двадцать четвертого августа шведский король, сидя со мной на скамейке в Таврическом саду, попросил у меня руки Александры. Я сказала ему, что он не может просить у меня этого, ни я – его слушать, потому что у него есть обязательства к принцессе Мекленбургской. Он уверял меня, что они порваны. Я сказала ему, что я подумаю. Он попросил меня выведать, не имеет ли моя внучка отвращения к нему, что я и обещалась сделать и сказала, что через три дня дам ему ответ. Действительно, по истечении трех дней, переговорив с отцом, с матерью и с девушкой, я сказала графу Гага на балу, у графа Строганова, что я соглашусь на брак при двух условиях: первое, что мекленбургские переговоры будут совершенно закончены; второе, что Александра останется в религии, в которой она рождена и воспитана. На первое он сказал, что это не подвержено никакому сомнению; относительно второго он сделал все, чтобы убедить меня, что это невозможно, и мы разошлись, оставаясь каждый при своем мнении».

«Это первое упорство продолжалось десять дней, но шведские вельможи (excellences) не разделяли мнения короля. Наконец, я не знаю как, им удалось убедить его. На балу у посланника он сказал, что устранили все сомнения, которые возникли в его душе относительно вопроса о религии. И вот все казалось улаженным. Ожидая, я составила записку N 1-й и, так как она была у меня с собою в кармане, я передала ее ему, говоря: “Я вас прошу прочесть внимательно эту записку; она вас утвердит в добрых намерениях, которые я у вас нахожу сегодня”. На следующий день, на фейерверке, он поблагодарил меня за записку и сказал мне, что его огорчает только одно, что я не знаю его сердца. На балу в Таврическом дворце шведский король сам предложил матери обменяться кольцами и устроить обручение. Она сказала мне это; я говорила с регентом, и мы назначили для этого четверг. Условились, что оно будет совершено при закрытых дверях по обряду греческой церкви».

«Пока же договор обсуждался между министрами. В него входила статья о свободном отправлении религии, и она вместе с остальным текстом договора должна была быть подписана

---

³⁰ Нинет при дворе, комедия в двух актах Фавара, представлена в первый раз в 1755 г. в Итальянской комедии.

в четверг. Когда же прочли его уполномоченным министрам, оказалось, что этой отдельной статьи там не было. Наши спросили у шведов, что они с ней сделали. Они ответили, что король оставил ее у себя, чтобы переговорить со мной о ней. Мы сделали донесение об этом случае. Было пять часов вечера, а в шесть часов было назначено обручение. Я сейчас же послала к шведскому королю узнать, что хочет он мне сказать по этому поводу, потому что перед обручением я его не увижу, а после будет слишком поздно отступать. Он послал мне устный ответ, что будет говорить со мной об этом».

«Нисколько не удовлетворенная этим ответом, я, чтобы сократить, продиктовала графу Маркову записку N 2-й, для того чтобы, если король подписал бы этот проект удостоверения, я могла бы вечером сделать обручение. Было семь часов вечера, когда посланный был отправлен; в девять часов граф Марков возвратился с запиской N 3-й, писанной рукою короля и подписанной, где вместо ясных и определенных выражений, предложенных мною, находились смутные и неопределенные. Тогда я приказала сказать, что я больна. Остальное время, проведенное ими здесь, прошло в ходьбе туда и обратно. Регент подписал и утвердил договор таким, каким он должен быть. Король должен был утвердить его через два месяца, когда он будет совершеннолетним. Он послал его на обсуждение своей консистории».

№ 1 – копия с записки Ее Императорского Величества, переданной из рук в руки королю шведскому:

«Согласитесь ли вы со мной, дорогой брат, что не только в интересах вашего королевства, но и в ваших личных интересах заключить брак, о желании вступить в который вы мне говорили?»

«Если Ваше Величество согласно с этим и убеждено в этом, почему же тогда религия является препятствием его желаниям?»

«Пусть Ваше Величество позволит мне заметить, что даже епископы не находят ничего сказать против его желаний и изъявляют усердие в устранении сомнений по этому поводу».

«Дядя Вашего Величества, его министры и все, кто, благодаря долгой службе, привязанности и мерности имеет право на доверие, сходятся во мнении, что в этой статье нет ничего противного ни совести, ни спокойствию его царствования».

«Наши подданные, далекие от порицания нот выбора, будут восторженно приветствовать по, благословлять и обожать вас, потому что вам они будут обязаны верным залогом их благополучия и общественного и частного спокойствия».

«Этот же выбор, осмелюсь сказать это, докажет доброту вашего суждения и рассудка и вызовет одобрение вашей нации».

«Предоставляя вам руку моей внучки, я испытываю глубокое убеждение, что я делаю вам самый драгоценный подарок, который я могу сделать и который может лучше всего убедить вас в правдивости и силе моей нежности и дружбы к вам. Но, ради Бога, не смущайте ни ее счастья, ни нашего, примешивая к нему совершенно посторонние предметы, о которых было бы самое умное, если бы вы подписали глубокое молчание себе и другим, иначе вы откроете доступ неприятностям, интригам и шуму без конца».

«По моей, известной вам материнской нежности к внучке вы можете судить о моей заботливости об ее счастье. Я не могу не чувствовать, что тотчас же, как она будет соединена с вами узами брака, ее счастье будет неотделимо от вашего. Могла ли бы я согласиться на брак, если бы видела в нем малейшую опасность и неудобство для Вашего Величества, и если бы, наоборот, я не находила в нем все, что может обеспечить ваше счастье и счастье моей внучки?»

«К стольким доказательствам, собранным вместе и которые должны повлиять на решение Вашего Величества, я прибавлю еще одно, заслуживающее наибольшего внимания Вашего Величества. Проект этого брака был задуман и взлелеян блаженной памяти покойным Коро-

лем, вашим отцом³¹. Я не буду приводить свидетелей относительно этого признанного факта не из числа ваших подданных, не из моих, хотя их очень много; но я назову только французских принцев и дворян их свиты, свидетельство которых тем менее подозрительно, что они совершенно нейтральны в этом деле. Находясь вместе с покойным королем, они слышали, как он часто говорил об этом проекте как об одном из наиболее близких его сердцу и исполнение которого самым лучшим образом могло закрепить доброе согласие и дружеские отношения между двумя домами и государствами».

«Итак, если этот проект является мыслью покойного короля вашего отца, как мог этот просвещенный и полный нежности к своему сыну государь задумать то, что повредило бы Вашему Величеству в глазах его народа или уменьшило бы к нему любовь его подданных? Что этот проект был результатом долгого и глубокого размышления, слишком доказывается всеми его поступками. Едва укрепив власть в своих руках, он внес в сейм торжественный закон о терпимости ко всякой религии, чтобы навсегда рассеять в этом отношении весь мрак, порожденный веками фанатизма и невежества и который было бы неразумно и недостойно похвалы воскрешать в настоящее время. На сейме он еще более открыл свои намерения, обсуждая и решая с наиболее верными из своих подданных, что в случае брака его сына и наследника соображение о блеске дома, с которым он может породниться, должно брать верх над всеми остальными и что различие религий не внесет никакого препятствия».

---

³¹ Густав III, убит 16 марта 1792 г. в Стокгольме, куда он возвратился после долгого пребывания в Ахене и окрестностях. Он вел переговоры с французскими принцами и надеялся стать во главе антиреволюционной коалиции.

«Портрет великой княжны Александры Павловны». Художник Владимир Боровиковский. 1796 г. Александра Павловна (1783–1801) великая княгиня, палатина венгерская, третий ребенок и старшая дочь императора Павла I и его супруги Марии Федоровны

«Я приведу здесь один случай, бывший на том же сейме, дошедший до меня и который все подтвердят Вашему Величеству: когда, разбирая вопрос об определении налога на подданных во время его брака, в акте, составленном по этому поводу, стояло: Во время брака наследного принца с принцессой лютеранского вероисповедания. Епископы, читая проект этого акта,

по собственному побуждению, зачеркнули слова: с принцессой лютеранского вероисповедания».

«Соблаговолите, наконец, довериться опыту тридцатилетнего царствования, в течение которого я большею частью достигала успеха в моих предприятиях. Именно этот опыт в соединении с самой искренней дружбой осмеливается дать вам правдивый и прямой совет, без всякой другой цели, кроме желания видеть вас счастливым в будущем».

«Вот мое последнее слово:

“Не подобает русской княжне менять религию”».

«Дочь Императора Петра I вышла замуж за герцога Карла Фридриха Голштинского, сына нашей сестры Карла XII. Для этого она не меняла религию».

«Права его сына на наследование престола королевства были тем не менее признаны сеймом, который отправил к нему торжественное посольство в Россию, чтобы предложить ему корону. Но Императрица Елизавета уже объявила сына своей сестры русским Великим Князем и своим предполагаемым наследником³². Условились тогда в предварительных статьях договора в Або³³, что дедушка Вашего Высочества будет избран наследником шведского трона, что и было исполнено. Таким образом, две русские государыни возвели на трон линию, потомком которой являетесь вы, Ваше Величество, и блестящие качества которой предвещают царствование, которое никогда не будет слишком благополучным и слишком прекрасным в моих глазах».

«Пусть Ваше Величество позволит мне откровенно прибавить, что ему необходимо встать выше препятствий и сомнений, устранимых всякого рода доводами и которые могут только повредить его личному счастью и счастьем его королевства».

«Я скажу больше; моя личная дружба к вам, со дня вашего рождения ничем не опровергнутая, позволит заметить Вашему Величеству, что время торопит, и, если вы не решитесь в эти дни, столь дорогие моему сердцу, когда вы находитесь здесь, дело может совершенно не удастся благодаря тысячам препятствий, которые вновь представляются, как только вы уедете, и если, с другой стороны, несмотря на прочные и неопровержимые основания, которые были приведены как мною, так и людьми, наиболее заслуживающими доверия, все-таки религия оказывается непреодолимым препятствием для обязательств, которые, как казалось неделю тому назад, Ваше Величество желали заключить, то вы можете быть уверены, что с этого момента больше не будет подниматься вопроса о браке, как бы он дорог ни был для моих нежных чувств к вам и к моей внучке».

«Я приглашаю Ваше Величество внимательно подумать над всем мною сказанным, прося Бога, направляющего сердца королей, просветить вас и внушить вам решение, согласное с благом вашего народа и вашим личным счастьем».

№ 2. Проект. «Я торжественно обещаюсь предоставить Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Павловне, моей будущей супруге и королеве Швеции, полную свободу совести и отправления религии, в которой она рождена и воспитывалась, и я прошу Ваше Императорское Величество смотреть на это обещание, как Нjt акт наиболее обязательный, какой я мог дать».

№ 3. «Дав уже свое честное слово Ее Императорскому Величеству, что Великая Княжна Александра никогда не будет стеснена в том, что касается религии, и, так как мне показалось, что Величество осталась довольна, я уверен, что Его Величество нисколько не сомневается, что я достаточно знаю священные законы, налагаемые на меня этим обязательством, так, что всякая другая записка была бы совершенно излишней».

ПОДПИСАНО: Густав-Адольф.

---

³² Петр III, супруг Екатерины II.

³³ Подписан в 1743 году между Россией и Швецией.

Сего 11/22 сентября, 1796 г.

Граф Марков говорил мне, что Государыня была в такой степени огорчена поведением короля, что у нее после второй записки появились те признаки апоплексического удара.

На следующий день был праздник. Был устроен парадный бал в белой галерее. Шведский король появился печальный и смущенный. Государыня была очень сдержанной, говорила с ним со всем возможным благородством и непринужденностью. Великий Князь Павел был взбешен и бросал уничтожающие взгляды на короля, уехавшего несколько дней спустя.

Великий Князь Александр дал бал. Все приехали в трауре по португальской королеве. Государыня тоже присутствовала на празднестве; она была в черном, что я в первый раз видела. Она носила всегда полутраур, кроме совершенно исключительных случаев. Ее Величество села рядом со мной; она показалась мне бледной и опустившейся, мое сердце было наполнено чрезмерной тревогой.

– Не находите ли вы, – сказала она мне, – что этот бал похож не столько на праздник, как на немецкие похороны? Черные платья и белые перчатки производят на меня такое впечатление.

В бальном зале было два ряда окон, выходивших на набережную. Мы сидели около; возшла луна. Государыня заметила это и сказала мне:

– Луна очень красива сегодня, и стоит на нее посмотреть в телескоп Гершеля. Я обещала шведскому королю показать ее, когда он вернется.

Ее Величество напомнила мне по этому случаю ответ Кулибина. Это был крестьянин с бородой, самоучка, которого приняли в Академию за его выдающиеся способности и очень остроумные машины, изобретенные им. Когда английский король прислал Государыне телескоп Гершеля, она велела принести его из Академии в Царское Село Кулибину и одному немцу–профессору Его поставили в салоне и стали смотреть на луну. Я стояла за креслом Ее Величества, когда она спросила профессора, открыл ли он что–нибудь новое с помощью этого телескопа.

– Нет никакого сомнения, – отвечал он, – что луна обитаема; там видны долины, леса и постройки.

Государыня слушала его с невозмутимой серьезностью, и когда он отошел, она подозвала Кулибина и тихо спросила:

– Ну а ты, Кулибин, видел что–нибудь?

– Я, Ваше Величество, не настолько учен, как господин профессор, и ничего подобного не видал.

Государыня с удовольствием вспоминала этот ответ.

Подали ужин. Ее Величество никогда не ужинала и, прогуливаясь по апартаментам, встала за нашими стульями. Я сидела рядом с Толстой. Последняя, кончив есть, подала, не оборачиваясь, свою тарелку. Она была очень удивлена, увидев, что тарелка была взята самой прекрасной в мире рукой с великолепным солитером. Она вскрикнула, узнав Государыню, сказавшую ей:

– Вы что же, боитесь меня?

– Нет, я очень сконфужена, Ваше Величество, – отвечала графиня, – что предоставила вам взять тарелку.

– Я пришла посмотреть на вас, mesdames³⁴, – сказала Государыня.

Потом она шутила с нами насчет пудры, падавшей с наших шиньонов на плечи, и рассказывала нам, что граф Матушкин, очень смешная личность, пудрил себе спину по возвращении из Парижа, утверждая, что эта мода распространена среди самого элегантного общества Франции.

– Я вас покидаю, мои красавицы, – сказала Государыня, – я очень устала.

---

³⁴ Мои дамы.

Она ушла, положив мне на плечо руку, которую я поцеловала в последний раз с непреодолимым чувством печали и тревоги. Я проводила ее глазами до двери, и когда я перестала ее видеть, мое сердце так сильно забилося, как будто оно хотело вырваться из груди. Я вернулась домой и не могла спать. На другой день, рано утром, я отправилась к матери и расплакалась, рассказывая все то, что я заметила относительно здоровья Государыни. Мать пыталась меня успокоить, но напрасно: я казалась присужденной к пытке и ожидала своего смертного приговора.

* * *

Бывают в жизни предчувствия более сильные, чем рассудок. Все говорит нам, что их надо выбросить из головы, не думать о них, но мы все-таки тревожимся и оказываемся недостаточно сильными, чтобы победить их. В печалих и скорбях, посылаемых нам Богом в виде испытания, покорность является единственным прибежищем. Стремление получить его занимает душу и оправдывает ее скорбь. Но предчувствие, тревога – результат нашей слабости, раздражаемой внутренним движением, чуждым нам. Оно преследует нас, как тень, пугает и постоянно стоит перед глазами.

Прошло немного дней после этого. Я завтракала в десять часов утра у матери, как вошел придворный лакей, служивший у моего дяди, и попросил у матери позволения разбудить его. «Около часа тому назад с Государыней сделался удар», – сказал он нам. Я ужасно закричала и побежала к мужу, бывшему внизу в своем помещении. С большим трудом я сошла по лестнице, все дрожало во мне, и я едва могла идти.

Войдя к мужу, пришлось сделать над собою усилие, чтобы произнести эти страшные слова: Государыня умирает! Муж остолбенел. Он сейчас же спросил одеваться и отправился во дворец. Я не могла ни плакать, ни говорить и еще меньше думать. Тарсуков, племянник первой камер-фрау Государыни, подошел ко мне и сказал по-русски:

– Все кончилось; и она, и наше счастье!

Приехали граф и графиня Толстые; жена осталась со мной, а граф вместе с мужем поехал во дворец. Мы провели до трех часов утра самое тяжелое время в моей жизни. Через каждые два часа муж посылал мне небольшую записку. Одну минуту надежда оживила сердца, блеснув среди мрака; но это было недолго и сделало еще более тягостным уверенность в несчастье. Государыня пролежала без памяти тридцать шесть часов. Ее тело еще жило, но сознание умерло: в мозгу прервалась жила. Жизнь окончательно покинула ее шестого ноября.

Я приведу здесь подробности о ее последних днях и событиях, происходивших во дворце в первые минуты после ее смерти. Я получила их от той же особы, слова которой я цитировала раньше.

Горе, причиненное Государыне неудачей ее проекта брака со шведским королем, действовало на нее очень заметно для всех, окружавших ее. Она переменила свой образ жизни, появлялась только в воскресенье за церковной службой и обедом и очень редко приглашала лиц из своего общества в бриллиантовую комнату или в Эрмитаж. Почти все вечера проводила она в спальне, куда допускались лица, только пользовавшиеся ее особенной дружбой. Великий Князь Александр и его супруга, обыкновенно каждый вечер бывавшие у Императрицы, теперь видели ее только раз или два в неделю, кроме воскресений. Они часто получали распоряжение остаться у себя дома, или же она предлагала им поехать в городской театр послушать новую итальянскую оперу³⁵.

---

³⁵ Тогда только что приехала превосходная певица Марджиолетти, и для нее поставили серьезную оперу «Дидон», в несколько недель выдержавшую большое количество представлений. – *Прим. автора.*

В воскресенье, 2-го ноября, Государыня в последний раз появилась в публике. Говорили, что она простилась со своими подданными. После юга, как печальное событие совершилось, все были поражены тем впечатлением, какое она произвела в тот день. Хотя обыкновенно по воскресеньям публика собиралась в зале кавалергардов, и двор – в дежурной комнате, Государыня редко проходила через ту залу. Чаще всего она направлялась из дежурной комнаты через столовую прямо в церковь, а туда посылала Великого Князя Павла или, когда последнего не было, Великого Князя Александра, обедню же стояла на антресолях во внутреннем помещении, откуда выходило окно в алтарь.

Второго ноября Государыня отправилась к обедне через зал кавалергардов. Она была в трауре по португальской королеве и выглядела так хорошо, как ее уже давно не видали. После обедни она долго оставалась в кругу приглашенных лиц; мадам Лебрэн только что окончила портрет во весь рост Великой Княгини Елизаветы и представила его Государыне. Ее Величество приказала повесить его в тронном зале, часто останавливалась перед ним, осматривала и разбирала его с лицами, приглашенными к обеду, которых, как всегда по воскресеньям, было много. Великие Князья Александр и Константин обедали у нее в этот день со своими супругами.

Это был не только последний обед, но и последний раз, когда она их видела. Они получили приказание не приезжать к ней вечером. В понедельник, третьего ноября, и во вторник, четвертого, Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета были в Опере. В среду, пятого, в одиннадцать часов утра, в то время как Великий Князь Александр был на прогулке с одним из князей Чарторижских, Великой Княгине Елизавете доложили, что граф Салтыков спрашивает Великого Князя и просит ее сказать, не знает ли она, когда он вернется. Она не знала. Немного спустя возвратился Великий Князь Александр, очень взволнованный сообщением Салтыкова, который послал его разыскивать по всему Петербургу. Он уже знал, что с государыней сделалось нехорошо и что послали графа Николая Зубова³⁶ в Гатчину.

Он остоленел так же, как и Великая Княгиня, от сообщенной им новости. Весь день провели они в крайней тревоге. В пять часов вечера Великий Князь Александр, до того времени с трудом сдерживавшийся, чтобы не последовать первому движению души, получил разрешение от графа Салтыкова отправиться в апартаменты Государыни. Это ему не разрешили сначала без всякого достаточного основания, но по мотивам, легко понятным для того, кто знал характер графа Салтыкова. Еще при жизни Императрицы распространился слух, что она лишит своего сына престолонаследия и назначит наследником Великого Князя Александра. Я уверена в том, что никогда у государыни не было этой мысли; но для графа Салтыкова было достаточно одних толков, чтобы запретить Великому Князю Александру отправиться в комнаты бабушки раньше приезда его отца. Так как Великий Князь, отец, не мог замедлить, то Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета отправились к Государыне между пятью и шестью часами вечера. Во внешних апартаментах не было никого, кроме дежурных с мрачными лицами.

Уборная комната, находившаяся перед спальней, была наполнена лицами, представлявшими зрелище сильного отчаяния. Наконец, они увидели Государыню, лежавшую на полу на матрасе за ширмами. Она находилась в спальне, тускло освещенной; у ног ее были фрейлина м-ль Протасова и камер-фрау м-ль Алексеева, рыдания которых смешивались со страшным хрипом Государыни. Это были единственные звуки, нарушавшие глубокую тишину.

Великий Князь Александр и его супруга недолго оставались там. Они были глубоко взволнованы. Они прошли через апартаменты Государыни, и доброе сердце Великого Князя направило его к князю Зубову, жившему рядом. Тот же коридор вел к Великому Князю Кон-

---

³⁶ Брат фаворита. Когда Павел увидел его, он подумал, что Зубов приехал арестовать его за его сношения с Пруссией и вообще за противоречие намерениям матери (Русская Старина, 1882 г. XXXVI, 468).

стантину, и Великая Княгиня Елизавета прошла к своей невестке. Им нельзя было долго оставаться вместе, надо было приготовиться к приему Великого Князя отца. Он приехал к семи часам вечера и, не проходя к себе, остался так же, как и Великая Княгиня, в апартаментах Государыни. Он виделся только с сыновьями, а его невестки получили распоряжение оставаться у себя.

Апартаменты Государыни тотчас наполнились преданными слугами Великого Князя отца, большею частью извлеченными из неизвестности, которым ни их происхождение, ни способности не давали права надеяться на должности и милости, готовые свалиться на них. В передней толпа увеличивалась с минуты на минуту. Гатчинцы (так называли этих людей) суе-тились, толкали придворных, с удивлением спрашивавших себя, откуда взялись эти Остготы, по-видимому, одни пользовавшиеся правом входить во внутренние апартаменты, тогда как раньше их не видали и в передних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.